

Ларин Юрий

Частный капитал в СССР

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ю70

Ю70 **Юрий Л.**
Частный капитал в СССР / Ларин Юрий – М.: Книга по Требованию, 2022. –
312 с.

ISBN 978-5-519-92496-2

ISBN 978-5-519-92496-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

II. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ БУРЖУАЗНОГО КАПИТАЛА В СССР.

Полностью буржуазный капитал не исчезал и не прекращал своей активности даже в разгар военного коммунизма. Но абсолютная величина средств, находившихся в его распоряжении, была сравнительно невелика,—слишком свежа еще и достаточно основательна была конфискация капиталистического достояния, произведенная нами в 1917—1919 гг. Конечно, припрятано было некоторое количество золотых монет, драгоценных камней и т. п. Но поскольку они находились у капиталистов—они в значительной мере лежали в то время в ожидании лучшего будущего, пока расходуясь на закупку продовольствия для своих владельцев и т. п. Предпринимательская деятельность дореволюционных капиталистов в эпоху военного коммунизма сводилась лишь к спекуляции обесценивавшимися бумажками разных наименований (царскими, думскими, керенскими, аннулированными займами и акциями, совзнаками и т. д.) и иностранной валютой (приток которой не мог тогда быть особенно велик, что суживало и размах спекуляции) да к частичному финансированию мешочничества. В основном мешочничество периода гражданской войны сводилось к поездкам рабочих и крестьян за едой для собственных семей. На предпринимательский лад, с сетью агентов и т. д. мешочничество стало ставиться больше уж к концу этого периода. Судя по оценкам нынешней наличности частного капитала в стране и по ориентировочным данным о темпе его накопления—трудно думать, чтобы реальное предпринимательское накопление (на мешочничестве, твердой валюте и т. д.) дореволюционной и вновь создавшейся буржуазии вместе составило к началу новой экономической политики (1921 г.) более ста пятидесяти миллионов рублей. Скорее—менее. При том, включая уже сюда все уцелевшие у буржуазии запасы наличного золота. Значительная часть оставшихся у населения золотых монет, колец и т. п. припрятана была вообще «ма-

ленькими людьми», не занимавшимися ни торговым, ни иным предпринимательством.

История накопления буржуазного капитала в таких размерах, что он получает некоторое, хотя и второстепенное значение в народном хозяйстве страны, начинается у нас поэтому только с новой экономической политики, с 1921 г. Тогда, впервые, госорганы получили право хозяйственной связи с частными предпринимателями, а вовторых, частные лица получили право хозяйственного предпринимательства. В это же время, при нэпе, открылась легальная возможность перерастания в предпринимателей эксплуататорского типа для тех отдельных удачливых кустарей, мелких торговцев или крестьян, которым раньше условия военного коммунизма мешали развернуться.

Мы создали нэп, как известно, и по внешним и по внутренним соображениям. Правда, внешние (возможности притока иностранного капитала для поднятия нашего хозяйства) пока особенно много не дали (хотя постепенно результаты возрастают). Но зато внутренние уже оправдали себя в полной мере. Отдыхающее после долгой войны хозяйство страны стало быстро подниматься в привычных для мелкобуржуазного большинства населения товарно-рыночных формах. По мере укрепления в силу этого государственного хозяйства мы получали возможность вкладывать в товарно-рыночные формы все больше социалистического содержания (рост госпромышленности, индустриализация в пролетарских руках). Но попутно, в силу самого восстановления товарно-рыночных форм, восстанавливалось и буржуазное предпринимательство. Допущение его было неизбежным не столько вследствие недостатка у нас средств для приведения в движение товарооборота страны, сколько в силу неумения нашего осуществлять этот товарооборот в рыночных формах.

«Мы не учились торговать»,—сказал т. Семков на московской губпартконференции 1921 г. т. Ленину. Буржуазия не принесла для оживления хозяйства ни своих каких-либо крупных свежих средств, ни новых товарных фондов. Товарные фонды были в наших руках, а размеры буржуазных средств, как указано, были невелики. Но буржуазия принесла с собой умение двигаться в условиях товарно-рыночных отношений,—и мы принуждены были дать ей наши товарные фонды и наши средства. Производство (промышленное) осталось в наших руках (а производство

сельскохозяйственное—в руках крестьян), но рыночная связь между разными частями хозяйства (и нередко даже между разными государственными предприятиями) оказалась в руках буржуазии. За это, конечно, она себя щедро вознаградила, а для нас это было «платой за науку». Лишь по мере накопления у буржуазии этой «платы» начинает она пускать некоторые корни, во-первых, в производстве, во-вторых, в организации торговли за свой счет (а не только в порядке легального и нелегального использования госфондов и госкредита), в-третьих—на денежном рынке.

Поскольку для продвижения товарных фондов государства у буржуазии в первый период этой ее деятельности своих средств не было или было слишком мало, самый характер применения ею своего «умения» должен был оказываться весьма часто нелегальным или полунелегальным, а буржуазное накопление—накоплением типично хищническим, т. е. ни в какой мере не пропорциональным (даже по буржуазной оценке) оказываемым ею услугам. История советской буржуазии, таким образом, весьма проста. Ее умение вращаться в рыночных условиях понадобилось, особенно на первый период, пока мы почти совершенно этого не умели; она получила, таким образом, возможность действовать и, не имея своих средств, воспользовавшись случаем, украла их у нас, у государства; а накравши—создала затем самостоятельную торговлю за свой счет и капиталистическое промышленное предпринимательство. История буржуазного накопления в СССР в первый его период есть, таким образом, прежде всего история буржуазного воровства в разных видах и формах. И уж затем начинается буржуазное накопление обычного типа.]

Параллельно в деревне шло вырастание из простого товарного производства узкого круга мелких капиталистических предпринимателей.

В свою очередь Советское государство, по мере овладения искусством маневрировать в условиях товарных форм хозяйства начинает, естественно, менять практическую линию относительно частного капитала. Вместо практики «разбазаривания» 1921—1923 гг. начинается практика «оттеснения» частного капитала с занятых им позиций, прежде всего в области оборота с изделиями государственной промышленности (1924—1926 гг.).

[Весь период новой экономической политики в отношении

истории частного капитала приходится делить, таким образом, на три части.

Первый период—это с 1921 по 1923 г. Это период создания современного частного капитала в нашей стране плюс вовлечение в жизнь некоторых, сохранившихся от дореволюционного прошлого остатков, не бывших до тех пор в активном состоянии.

Второй период—это следующее трехлетие, с 1924 по 1926 г. Это время так называемой «нормальной» работы частного капитала. Разумеется, и в этот второй период было еще много остатков (встречаются и по сие время) прежних нелегальных методов наживы, но начинают уже преобладать те формы его деятельности, которые основаны не на злоупотреблениях, а на коммерческих операциях легального типа.

И третий период—это тот, который начинается с 1927 г. и сущность которого со стороны государства характеризуется нынешним плановым подходом к вопросу о частном капитале в целом, а не только к отдельным проявлениям его деятельности, как торговля госизделиями и т. п. Какими тенденциями характеризуется он со стороны частного капитала—на этом мы остановимся ниже.

Первый период—период 1921—1923 гг.—характеризуется преимущественно тем, что в это время частный капитал возникал путем перекачки в частные руки государственных средств разнообразными способами и методами. Можно сказать, что та буржуазия, которая действовала в первый период нэпа, вступила в этот нэп почти что с голыми руками, очень мало, часто почти ничего не имея за душою кроме своей предприимчивости, кроме связей в различных советских учреждениях, кроме готовности идти на всякое преступление ради обогащения. То обстоятельство, что она имела возможность достигнуть на этих путях довольно больших, как мы увидим, успехов, объясняется, разумеется, не в малой мере и общеизвестным пороком нашего государственного аппарата. Иначе сказать—теми бюрократическими извращениями, наличность которых давала и иногда еще и теперь дает возможность на хозяйственном фронте частному дельцу превращать госорганы в орудия и средства своего обогащения. Чем больше улучшается работа госаппарата нашей страны, тем меньше делается эта возможность, тем больше сужается круг нелегальной наживы частного капитала, тем больше выдвигается на первый план нажива легальная.

Классифицируя методы первоначального буржуазного накопления этого периода, иные из которых частью сохранились и до настоящего времени, я насчитываю 12 основных видов хищнического и нелегального возникновения и накопления частного капитала. Они и дали ему возможность к концу этого периода, приблизительно к 1923/1924 г. собрать в своих руках уже сумму в несколько сот миллионов рублей, с которыми он затем и начал «нормально» оперировать (присоединив постепенно и остатки, припрятанные и отчасти накопленные в период военного коммунизма).

Припрятанных от дореволюционных времен остатков и накоплений периода военного коммунизма от валютных операций и от мешочничества можно насчитывать, как я уже указывал, в руках буржуазии примерно миллионов 150. Все же остальное, вся остальная величина частного торгового, промышленного и кредитного капитала, которая сложилась к 1923 г., т. е. примерно миллионов 350,—все это было накоплено частными капиталистами в период первых лет нэпа, в результате их нелегальной деятельности.

Основные 12 видов этой деятельности следующие: 1) агенты и соучастники частного капитала в госаппарате, 2) лжегосударственная форма деятельности частного капитала, 3) злостная контрагентура, 4) неликвидные фонды, 5) хищническая аренда, 6) нелегальная перекупка, 7) контрабанда, 8) государственный денежный кредит, 9) государственные займы, 10) валютные операции, 11) уклонение от налогов и 12) лжекооперативы.

1. Агенты и соучастники частного капитала в госаппарате.

Первым и самым простым методом нелегальной деятельности по созданию частного капитала было наличие его соучастников и агентов в государственном аппарате. В составе государственного аппарата был не очень широкий, не очень многочисленный, измеряемый, может быть, всего несколькими десятками тысяч человек, круг лиц, которые использовали начало нэпа в этом смысле. Сами служа в хозорганах, они в то же время организовывали различные частные предприятия или на имя своих родственников, компаньонов, или даже прямо на свое собственное. А затем перекачивали в эти частные предприятия находившиеся в их распоряжении государственные средства из государственных органов, где они служили. Совершив такую перекачку, они

обычно оставляли вовсе госорганы и «становились на собственные ноги». Это явление было распространено чрезвычайно широко. Можно было бы привести сотни примеров того, как различные ответственные и не очень ответственные деятели, коммерческие директора и другие деятели заводов, различных хозяйственных объединений, железных дорог, торговых организаций—государственных и кооперативных—организовывали параллельные лавки, параллельные магазины, параллельные общества, параллельные фирмы, которые и начинали якобы заниматься поставками и подрядами на государственные органы и всякими сделками с ними. Но все это выполняли путем прямой передачи в порядке злоупотреблений создаваемым ими частным учреждениям тех средств, которые находились в их распоряжении по службе в советских учреждениях.

Для иллюстрации, как это делалось, приведу несколько примеров из богатой копилки собранных т. Кондурушкиным материалов, установленных, проверенных и подтвержденных приговорами суда. Вот, например, служащие Ленинградского военного порта вошли в соглашение с организованной для этого частной конторой «Заводопомощь» и украли из Ленинградского военного порта 200 тыс. пудов мазута, который и вывезли рядом поездов и цистерн и передали в распоряжение конторы. А «Заводопомощь» продала из них 50 тыс. пудов Ижорскому заводу и остальное—другим госорганам, нуждающимся в мазуте. У этой частной конторы не было при основании ни денег, ни каких-нибудь других средств, а было только помещение в проходной комнате, одна машинка и машинистка.

Директор бывшего Франко-русского завода в Ленинграде Лопатин вошел в соглашение с частной конторой инженера Евзерова «Инжбюро», которой и передал 35 тыс. пудов кровельного железа.

Служащие завода «Треугольник» организовали частную контору под названием «Контора Мартынова», у которой покупали кабель. Производилось это таким образом: с одной стороны, в одни ворота вывозился из завода на склады «Конторы Мартынова» краденый кабель, причем никакого платежа за это не производилось, так как все это делалось в порядке злоупотреблений, а в другие ворота на завод ввозился кабель из «Конторы Мартынова», хорошо оплачивавшийся «Треугольником».

Начальник отдела снабжения Октябрьской железной дороги поручает своему тестю Медовому поставку для дороги

горелок, ламповых стекол и фитилей. У Медового нет ни горелок, ни денег—вся суть в наличии ответственного родственника на железной дороге. Тогда Медовый получает в Ленинградском едином потребительском обществе (ЛЕПО) образцы горелок, представляет их в отдел снабжения, там составляют акт осмотра,—и платят Медовому за всю поставку.

Инженер Зак, начальник восстановительного подотдела НКПС, организовал частную техническую контору «Мосмет», которая должна была поставлять именно те материалы, какие нужны были восстановительному подотделу.

Заведующий коммерческим отделом Ленинградского отделения Трансмосторга (госорган) организует частную контору «Лакокраска» и сам переписывается с собой как с ее владельцем, совершая с ней различные сделки (особенно много выкачал из Трансмосторга ультрамарина, который потом поставлял через своего брата госарганам же в Москву).

Начальник отдела Северо-западной железной дороги инженер Лукьянов сам производит поставки этому отделу (через подставное лицо—бывшего адвоката Зуккау), и сам производит приемку.

Консультант Октябрьской железной дороги Львов являлся в 1922 г. почти монопольным поставщиком на эту дорогу разных материалов, подавая заявления и пр. от имени вымышленного, несуществовавшего лица Шура. Он поставлял, например, цинковые бидоны, «добывая» их в Фондкомбалте, и т. д.

Начальник Северо-западной железной дороги Храповицкий лично ведет переговоры с мелким агентом ТПО о покупке 100 пудов шведских гвоздей (являющихся якобы собственностью этого агента), выдавая записку об уплате ему немедленно всех денег. Гвозди на деле берутся из государственного заброшенного сарая.

Агент Ленинградского губоткомхоза, сын купца Белокриницкий, уже бывший раз осужденным на пять лет за связь с бандитами, является другим поставщиком—сообщником Храповицкого.

Лаборанты Ленинграда в 1922 и 1923 гг. за взятки получали из Рауспирта денатурированный спирт, который затем частные торговцы употребляли на парфюмерию. Имея, таким образом, материал дешевле ТЭЖЭ (треста «Жиркость»), они били его на рынке, продавая свою парфюмерию на 15—20% дешевле.

Служащие Балтфлота Константинов, Курыленко, Зверев

открыли два магазина, которые заполняли целиком из складов флота («включительно до щеток и фитилей»).

Таких примеров, установленных позднейшими судебными процессами (преимущественно 1923—1925 гг.), но имевших место в жизни в 1921—1923 гг., можно было бы набрать не сотни, а тысячи. Вообще в первый период нэпа для буржуазии, в составе государственных органов имевшей агентов частных предприятий, именно и характерна наличность не обычного типа коммерческих хозяйственных операций, хотя бы и прибыльных, а наличность прямых злоупотреблений, причем эти злоупотребления облекались только в форму сделок. Под «нормальной» коммерческой операцией имею в виду при этом такую, когда частный предприниматель хотя и наживается, но продает что-либо действительно ему принадлежавшее или покупает действительно за свой счет и т. п. В приведенных же случаях речь идет о передвижении на деле государственных фондов, лишь обманно выдаваемых за частные благодаря сидящим в госаппаратах служащим, на деле являющимся частными предпринимателями или агентами частных предпринимателей. Когда впоследствии этот первый период «разбазаривания» прошел и стали выяснять и учитывать, где что раскрали, то были организованы сотни процессов по разным предприятиям и крупным хозяйственным организациям, выяснивших в судебном порядке сумму потерь государственных средств в пользу частного капитала. Конечно, учет этот неполон, но он весьма показателен.

Результаты только 56 таких процессов, (по приведенным в работе т. Кондурушкина материалам) показывают, что только по этим 56 процессам передано таким образом в руки частных лиц государственного имущества примерно на 54 млн. рублей золотом. Но судебных процессов по делам 1921—1923 гг. было гораздо больше, чем 56. В результате всех этих злоупотреблений в руки частных лиц было передано поэтому значительно больше имущества, чем на 54 млн. рублей. «Компетентными лицами (т. Лежавой, органами ВСНХ и т. д. Ю. Л.) потери промышленности за 1921/1922 г. определились в пределах весьма крупной суммы 150—200 млн. руб. золотом» (Жирмунский, Частный капитал в товарообороте, стр. 18). Это за один только первый год нэпа.

Особенно интересно то, что эти процессы дают возможность выявить круг тех лиц, которые были в 1921—1923 гг. агентами

частного капитала и его соучастниками в рядах наших государственных органов. Тов. Кондурушкин произвел статистический подсчет, охватывающий ряд крупнейших процессов. Например процесс Ленинградского военного порта, где было 125 чел. подсудимых; процесс Северо-западных железных дорог, где было подсудимых 118 чел.; процесс Рауспирта, где было 79 чел. подсудимых; процесс Главного морского технического хозяйственного управления с 64 подсудимыми и т. д. И вот выясняется, что из всех лиц, признанных судом виновными в этих злоупотреблениях и бывших в 1921—1923 гг. нашими государственными служащими, имели высшее образование 25%, имели среднее образование больше 50% и имели только низшее или были самоучками или не имели никакого—менее 25%. Таким образом около трех четвертей тех государственных служащих, которые были активными организаторами частных предприятий и перекачки в них государственных средств, были интеллигенцией технической, юридической и всякой прочей. В подавляющем большинстве они не были людьми, которые уже до революции были частными предпринимателями; перед нами процесс образования новой буржуазии, пореволюционной. Это были люди, которые превращались в настоящую предпринимательскую буржуазию в первые годы нэпа, используя свое административное положение в государственных органах для обогащения себя через создаваемые ими на имя подставных лиц, родственников и т. п. частные предприятия, чтобы затем превратиться уже открыто и самим в самостоятельных предпринимателей. И действительно, по ряду названных процессов, объединяющих несколько сотен подсудимых, имеется подсчет, кем сделались люди, которые были осуждены по процессам за злоупотребления, совершенные ими в период 1921—1923 гг. в бытность их служащими госорганов. Процессы происходили обычно на два-три года позже открытия злоупотреблений (ввиду крупного размера процессов, большого количества привлеченных, сложности следствия и т. д.). Оказывается, что из лиц, которые были государственными служащими, в 1921—1923 гг. организовавшими все эти параллельные конторы и т. д., ко времени суда оказались самостоятельными частными предпринимателями 53%. Кроме того, хозяйственными агентами—8%, причем эти агенты формально являлись как бы государственными служащими, но фактически работали на процентах, т. е. фактически были тоже частными предпринимателями. Далее, канцеляр-

ских служащих оказалось 12%, счетных и т. п. служащих—10% и технического инженерного персонала—17%.

Таким образом из тех лиц, которые в качестве государственных служащих совершали крупные злоупотребления в первые годы нэпа, свыше 60% превратились уже формально и открыто в самостоятельных частных предпринимателей. Конечно, по совершенным преступлениям они были судом осуждены. Но у нас очень часто бывают амнистии, или даже без амнистий просто бывает «разгрузка тюрем». Наша страна обладает недостаточным количеством тюрем в сравнении с теми размерами хозяйственных злоупотреблений, какие имели место, и потому, помимо всяких амнистий, производятся неперiodически разгрузки тюрем, во время которых в тюрьмах оставляют только наиболее важных преступников, например убийц, а менее важных—воров—выпускают. Осужденные скоро начинают опять оперировать, используя накраденные средства. Тов. Кондурушкин устанавливает, что из теперешних частных крупных предпринимателей почти никого нет, кто бы раньше не был под судом или не высылался бы административно по хозяйственным делам. Среди частных оптовиков, полуоптовиков и более крупных частных фабрикантов почти не оказывается такого элемента, который не прошел бы через уголовное клеймо в первые годы нэпа. Они точно следовали тому положению Маркса, что частный капитал не останавливается ни пред каким уголовным преступлением, если находит для себя в этом материальную выгоду. Кстати сказать, из приводимых т. Кондурушкиным таблиц видно, что из частных предпринимателей, дела которых слушались судом в 1924—1926 гг., состояло на государственной службе до 1921 г.—ни много, ни мало—90%.]

К этой характеристике надо добавить еще, что та часть государственных служащих 1921—1923 гг., которые тогда совершали преступления в пользу частного капитала, но которые не превратились в формальных частных предпринимателей в последующие годы,—а превратились в частных предпринимателей формально только около 60%,—так вот, та часть, которая не превратилась, она снова и снова в 1924—1926 гг. нередко попадалась вновь в подобных же хозяйственных преступлениях. Интересен вывод т. Кондурушкина из данных хозяйственных дел 1925—1926 гг. о судебном прошлом тех государственных служащих, которые были осуждены за взятки и за другие хозяйственные преступления, совершенные в 1924—1926 гг. А как ж-